

Современный русский вокализм: Структурная интерпретация [i] и [i̯]

Цель этой статьи состоит в том, чтобы представить с принципиальной позиции дескриптивизма процесс фонематического анализа двух нелабиализованных гласных фона верхнего подъема, [i] переднего ряда и [i̯] среднего ряда образования, встречающихся в современном русском языке, и одновременно указать на возможность постулирования фонемы /i/ в качестве пучка дифференциальных признаков, общих для обоих рассматриваемых фонов, при допущении, что в современном русском языке всякий слог прикрытый. На основе этого допущения предложена новая схема вокализма русского языка, резко отличающаяся от общепринятой схемы. В качестве доводов в пользу этой схемы затронуты и те преимущества, предоставляемые новой интерпретацией, их значение для морфологических описаний, а также соотношения между диалектными системами вокализма. Моя интерпретация, будучи лишь одной из возможных, исходит из того предположения, что из всех возможных интерпретаций наиболее адекватной должна быть такая, которая бы объяснила самые обширные аспекты фонетических явлений наиболее простым и обобщенным образом насколько возможно, не отрываясь от наблюдаемой звуковой реальности и ряда правил фонематического анализа.¹

1. Первый этап интерпретации [i] и [i̯]

Ниже в таблице 1 приведены парами односложные слова, которые начинаются с согласного фона и в качестве слогаобразующего звука (или слононосителя) имеют [i] или [i̯] (соответственно [и] и [ы] в русской транскрипции).² В группе I согласные фоны в начале каждого слова твердые, то есть непалатализованные или, точнее, в е л я р и з о в а н н ы е, а в группе II — мягкие, то есть палатализованные или, точнее, н е в е л я р и з о в а н н ы е. Пары слов в каждой строчке, по-видимому, образуют минимальные пары. Фонематические транскрипции в колонке (а) основаны на той точке зрения, которая относит различие между каждой из этих пар к разнице согласного фона в начальном положении и одновременно к разнице последующего гласного фона, у с т а н о в и в ф о н е м ы /i/ и /i̯/ к а к д в е о т д е л ь н ы е ф о н е м ы. Фонематические транскрипции в колонке (б), с другой стороны, основаны на той точке зрения, которая относит различие элементов в каждой из этих пар к различию согласного фона в начале слова, н е у с т а н а в л и в а я /i̯/ в к а ч е с т в е с а м о с т о я т е л ь н о й ф о н е м ы. При этом в группе II обе точки зрения совпадают. Насколько я смог удостовериться, иной трактовки фонем [i] и [i̯] в подобных парах не было.³

В таблице 2 приводятся одно- или двухсложные слова, имеющие в качестве

Таблица 1

I	(a)	(b)	II	(a)=(b)
<i>был</i>	[bʲiːl]	/bíl/	<i>бил</i>	[bʲiːl]
<i>выл</i>	[vʲiːl]	/víl/	<i>вил</i>	[vʲiːl]
<i>мыл</i>	[mʲiːl]	/míl/	<i>мил</i>	[mʲiːl]
<i>ныть</i>	[nʲiːtʲ]	/níť/	<i>нитъ</i>	[nʲiːtʲ]
<i>пыл</i>	[pʲiːl]	/píl/	<i>пил</i>	[pʲiːl]

слононосителей гласные фонемы кроме [i] и [i̠]. В группе I согласные фонемы в начале каждого слова твердые, а в группе II — мягкие. Слова в каждой строчке опять, по-видимому, образуют минимальные пары. По сравнению с артикуляционными фокусами у начальных согласных фонем в группе I, при произнесении гласных звуков после начальных мягких согласных в группе II, средняя часть спинки языка значительно поднята вверх к твердому нёбу и продвинута вперед. Обозначим эту артикуляционную особенность и сопровождающую ее [i]-образную, палатальную окраску диакритическим значком [ʲ].

Таблица 2

I	II
<i>рад</i>	[raːt]
<i>вол</i>	[voːl]
<i>суда</i>	[sudaː]
	II
	<i>ряд</i>
	<i>вел</i>
	<i>суда</i>

Фонемы [a], [o] и [u] после твердых согласных и фонетически сходные с ними фонемы [aʲ], [oʲ] и [uʲ] после мягких согласных находятся в отношении дополнительной дистрибуции. Более того, различие между соответствующими фонетически сходными фонемами ([u] – [uʲ], [a] – [aʲ], [o] – [oʲ]) может быть объяснено тем, что предшествующий мягкий согласный фон, уподобляя последующие гласные по мягкости, придает последним палатальность ([ʲ]), поэтому можно отнести различие между каждой парой к различию по твердости/мягкости у соответствующих согласных фонем в начале каждого парных слов, в результате чего эти пары фонематически могут быть обозначены так, как показано в таблице 2. В этом отношении моя трактовка фактически такая же, что и у других авторов, если игнорировать не столь существенные расхождения в транскрипции между ними, которые можно отнести к различным теориям той или иной фонологической школы.

Если такая трактовка справедлива, то при трактовке парных слов в таблице 1, оказывается просто неестественным не рассматривать /i/ (а не /i/) в качестве самостоятельной фонемы, ибо если только признать /i/ за самостоятельную фонему, мы можем применять одинаковое объяснение как к [i] и [i̠], так и к другим гласным: любой гласный палатализируется после мягкого согласного (т.е. при произнесении их спинка языка поднимается вверх и продвигается вперед; при этом фонема /i/, будучи первоначально узкой, подвергается лишь продвижению артикуляционного фокуса). Следовательно, будет справедливым считать [i] в группе II в таблице 1 реализацией фонемы /i/, продвинутой вперед в силу предыдущего мягкого согласного.

В таблице 3 приводятся пары слов, начинающихся либо с гласных, либо с полугласного [j].

Таблица 3

I			II		
1.	<i>это</i>	[e ⁺ tə] /éta/	<i>ела</i>	[je ⁺ lə] /jéla/	
2.	<i>ад</i>	[a ⁺ t] /át/	<i>яд</i>	[ja ⁺ t] /ját/	
3.	<i>оба</i>	[o ⁺ bə] /óba/	<i>елка</i>	[jo ⁺ lkə] /jólka/	
4.	<i>умро</i>	[u ⁺ trə] /útra/	<i>юг</i>	[ju ⁺ k] /júk/	
5.	<i>ы</i> ⁴	[ĭ]	—	—	
6.	<i>ил</i>	[i ⁺ l]	—	—	

Все гласные фонемы после [j] в группе II, подвергаясь прогрессивной ассимиляции под влиянием предшествующего “мягкого” фона [j], носят [i]-образный палатализованный характер (т.е. [e⁺], [a⁺], [o⁺] и [u⁺] соответственно). При этом сразу бросается в глаза и то, что места 5 и 6 в группе II не заняты. Я выше объяснил это тем, что мягкие согласные фонемы уподобляют те или иные последующие гласные фонемы. Подразумевается то, что фонетическая особенность, обозначаемая значком [+], тех или иных гласных фонем избыточна. Поскольку [i] в начале слова, такого как *ил* ([i⁺l]), характеризуемый в фонетических терминах так же, как [+], признаком палатальности и переднеязычности, обладает тем же признаком, что и фонемы [e⁺], [a⁺], [o⁺] и [u⁺] в группе II, можно переместить *ил* [i⁺l] из группы I в пятую строку группы II, рассматривая [i] как сочетание /j/ с /i/ на основе того, что узкий фон [ĭ] есть “основной вид” фонемы /i/. Таким образом, можно считать [i] в начале слова *ил* ([i⁺l]) реализацией сочетания фонемы /j/ с /i/, последняя из которых при этом ассимилируется предшествующей фонеме /j/, обладающей ассимилирующей силой придать переднеязычность последующей фонеме в фонетическом плане.

Итак, пробел в пятой строке в группе II заполнен, и одновременно появляется желательный в целом результат сохранения параллельности с той интерпретацией, которая лежит в основе фонематических обозначений слов в таблице 2. Примеры *ы* и *ил*, следовательно, могут быть транскрибированы фонематически так: *ы* /ĭ/, *ил* /jĭl/. В данный момент не обнаружены, по крайней мере на фонологическом уровне, никакие положительные аргументы против предлагаемого здесь варианта, свободного от недостатков как варианта (а), который неоправданно увеличивает число гласных при наличии яркой дополнительной дистрибуции у фонетически сходных фонем [i] и [ĭ], и усложняет описание вокализма, так и варианта (б), не способного обозначать фонематически название буквы *ы*.

2. Некоторые преимущества реинтерпретации [i] и [ĭ]

Выше я предложил рассматривать [i] в абсолютном начале слова как /jĭ/, а именно как сочетание согласной фонемы с гласной, приписав фонетическую особенность переднеязычности гласного фона [i] согласной фонеме /j/, причем не были учтены никакие морфологические сведения о тех или иных словоформах. Ниже рассмотрим два вопроса из фонологии и морфонологии (морфонематики) и решение их, в свете новой интерпретации, чтобы убедиться в том, что /j/ перед /i/ далеко не произвольное допущение, а, напротив, точнейшее отражение артикуляционной реальности.

2. 1. Эксплицитные описания различий между *Кире* и *к Ире* и т.п.

Если обозначить приступ и отступ (или “экскурсия” и “рекурсия” в русской терминологии) полугласного звука [j] и их собственные звучания символами соответственно [>], [<], то [j] сам, которым является гласный звук [i] без выдержки (т.е. [i] полугласного рода), может быть обозначен как [><]. (При этом, естественно, [j] в абсолютно начальной позиции может быть только [<], а [j] в конечной позиции — [>]). Итак, предложные фразы *к илу*, *с илом* и *в ил* записаны следующим образом: [k>i'lʌ], [s>i'ləm], [v>i'l].⁵ Если отнести [>] и признак переднеязычности фона [i] к фонеме /j/, а уозость (или верхнеязычность) фона [i] — к фонеме /i/, то эти примеры могут быть обозначены фонематически так: *к илу* /kjɪlu/, *с илом* /sjɪləm/, *в ил* /vjɪl/ (ср. выше упомянутый *выл* /vɪl/).

Такая интерпретация позволяет выяснить слоговую структуру таких пар фонематических слов, как *Кире* : *к Ире* и *Виталию* : *в Италию*. Давно остается открытым фонологический вопрос о том, как интерпретировать фонематически эти примеры, чему уделялось много внимания в работах таких фонологов, как Р. И. Аванесов и А. А. Реформатский, которым, как мне кажется, так и не удалось интерпретировать его достаточно эксплицитно. Разница между выдвинутым здесь решением и решениями Аванесова и Реформатского должна быть ясна из таблицы 4.

	Аванесов (1984: 144)	Реформатский (1970 [1957]) ⁶	Кога	
			фонетич.	слоговой
			транскр.	состав
<i>Кире</i>	[к'и]ре	к'и́р'э (<i>sic</i>)	[k'ɪ]pe	CVCV
<i>к Ире</i>	[к-и]ре	к-и́р'э	[k>ɪ]pe	CCVCV
<i>Виталию</i>	[в'и]талию		[v'ɪ]taliu	CVCVCVCV
<i>в Италию</i>	[в-ы]талию		[v>ɪ]taliu	CCVCVCVCV

По Аванесову (1984: 143-144), «На месте буквы *и* в начале слова при тесном слиянии в произношении этого слова с предшествующим словом, кончающимся на твердый согласный, произносится [ы], причем сохраняется твердость предшествующего согласного <...>. Таким образом, *Виталию* и *в Италию*, *Кире* и *к Ире* произносятся не одинаково». Однако, не устанавливая ни /k'/ мягкой, ни /i/ как самостоятельных фонем (С. 52, 60 и сл.), ему пришлось бы первый слог у *к Ире* и *Кире* фонематически обозначать совсем одинаково, несмотря на всю осознанность различий в произношении этой пары. То же самое затруднение видно и в принципиально противоречивом рассуждении Реформатского (1970 [1957]), по которому «состав фонем [у *к Ире* и *Кире* — К.И.] тот же», «А все-таки *к Ире* и *Кире* различаются!».⁷ Предлагаемая интерпретация, наоборот, позволяет выявить различие между этими парами довольно эксплицитно на уровне как слогового, так и фонемного состава.

2. 2. Оптимальные описания парадигм слов с основой на /j/

Наша интерпретация имеет и то преимущество, что мы можем упростить и морфологические описания. Речь идет о реализации фонемы /j/ между гласными в

спрягаемых или падежных формах таких слов, как *стоять*, *таить*, *мои*, *твой* и т.п. Так, личные формы настоящего времени глагола 2-го спряжения *стоять* можно представить при помощи фонетического значка [>] так, как в таблице 5.

Таблица 5

	ед.ч.		мн.ч.
лицо 1-е	<i>стою</i> [stajuː] /stajú/		<i>стоим</i> [sta>iːm] /stajím/
лицо 2-е	<i>стоишь</i> [sta>iːʃ] /stajǐʃ/		<i>стоите</i> [sta>iːtʲe] /stajítʲe/
лицо 3-е	<i>стоит</i> [sta>iːt] /stajít/		<i>стоят</i> [stajɑːt] /staját/

Сравнивая эти формы с такими как *поел* [pajɛːl], *даем* [dajɔːt] и т.п., становится ясна дополнительная дистрибуция интервокальных [j] и [>], последний из которых выступает только в положении перед [i], что позволяет объединить их в фонему /j/. Непосредственно из этой парадигмы можно извлечь регулярную единственную форму /staj/ (NB. не /staɪ/) в качестве основы настоящего времени глагола *стоять*. Вместе с тем, при сравнении с парадигмой личных форм настоящего времени у глагола, скажем, *говорить* с основой /gavarʲ/, можно прямо выделить набор регулярных личных суффиксов: /ú/, /ǐʃ/, /tʲ/, /ím/, /tʲe/ и /át/. Такой подход результативен и потому, что он как нельзя лучше соответствует и сознанию обычного носителя языка, который отождествляет [>iː] в *стоишь* и т.п. с [iː] в начале слова *ил* и т.п. То же самое применимо и к таким именам как *мой*, *свой*, *твой*, *бой* и т.п.; приведем парадигмы склонения множественного числа этих имен (см. табл. 6).

Таблица 6

	<i>бой</i>	<i>свой</i>	<i>мой</i>	<i>твой</i>
мн.ч. им.	/bajǐ/	/slajǐ/	/majǐ/	/tvajǐ/
—.—. род.	/bajǐf/	/slajǐf/	/majǐx/	/tvajǐx/
—.—. дат.	/bajám/	/slajám/	/majím/	/tvajím/
—.—. вин.	/bajǐ/	/slajǐ/	/majǐ/ /majǐx/	/tvajǐ/ /tvajǐx/
—.—. тв.	/bajámʲi/	/slajámʲi/	/majímʲi/	/tvajímʲi/
—.—. пред.	/bajáx/	/slajáx/	/majǐx/	/tvajǐx/
основа мн.ч.	/baj/	/slaj/	/maj/	/tvaj/

Ср. /majá/ (*моя*) Ср. /tvajá/ (*твоя*)

Русская грамматика 1979, согласно которой ударный /i/ не может стоять в положении после последовательности «гласная + /j/» (С. 20-21), вынуждена признать двоякую словоформу: /baʲi/ и /baʲji/ для *бои*, /maʲim/ и /maʲjim/ для *моим* (С. 51, 125)⁸ и т.п., тогда как моя интерпретация, как это показывают таблицы 5 и 6, свободна от подобного анализа, противоречащего интроспекции носителя языка. Все, что изложено выше, служит иллюстрацией и того, что фонематическая интерпретация, проводящаяся вне всяких морфологических предубеждений, влечет за собой благоприятные последствия для самого морфологического описания.

3. Второй этап интерпретации [i] и [ǐ]

Для того чтобы определить более адекватно фонематические свойства, присущие фонеме /i/

в русском языке, и тем самым достигнуть целесообразного описания системы вокализма данного языка, необходимо выявить функциональную значимость трех звуков или звуковых особенностей, встречающихся в современном русском языке, а именно: гортанной смычки [ʔ], усиленного выдыхания [ʰ] (символ ʰ временен) и велярного полугласного [ɥ] (точнее, отступа [ɥ]), который и соответствует так называемому “открытому переходу” (см. табл. 7).

Таблица 7

[ʔ]: в начале слова. ⁹	[ʰ]: между гласными. ¹⁰	[ɥ]: после твердых согласных. ¹¹
$\left\{ \begin{array}{l} \text{это} [\ʔe'tə] \\ \text{ад} [\ʔa't] \\ \text{оба} [\ʔo'bə] \\ \text{утро} [\ʔu'trə] \\ \text{ы} [\ʔi'] \text{ и т.п.} \end{array} \right.$	$\left\{ \begin{array}{l} \text{проект} [pra'e'kt] \\ \text{соавтор} [sa'a'ftər] \\ \text{заочно} [za'o'ʃnə] \\ \text{наук} [pa'u'k] \text{ и т.п.} \end{array} \right.$	$\left\{ \begin{array}{l} \text{в этом} [vɥe'təm] \\ \text{в Але} [vɥa'l'e] \\ \text{с адом} [sɥa'dəm] \\ \text{к Оле} [kɥo'l'e] \text{ и т.п.} \end{array} \right.$

Различие между этими тремя фонами (или звуковыми особенностями), которые, как видно из таблицы 7, находятся в дополнительной дистрибуции, может быть объяснено в терминах артикуляторной фонетики тем, что если [ʰ] представляет собой воплощение гортанной смычки, ассимилированное в положении между гласными, которые по своей сути не артикулируются без размыкания голосовых связок, то [ɥ] — воплощение фона [ʰ] в велярный полугласный вследствие того, что он занимает переходное место от твердого (т.е. веляризованного) согласного к последующему ему гласному. Итак, налицо достаточные условия для того, чтобы считать эти три фона (или звуковые особенности) аллофонами, принадлежащими к одной и той же фонеме /ʰ/ (символ ʰ условен).¹² Такая интерпретация упрощает описание слоговой структуры русского языка, то есть она позволяет допускать, что в русском языке л ю б о й с л о г н а ч и н а е т с я с с о г л а с н о й ф о н е м ы, и вместе с тем, ясно и то, что предлагаемая интерпретация вполне соответствует звуковой реальности (см. табл. 8).

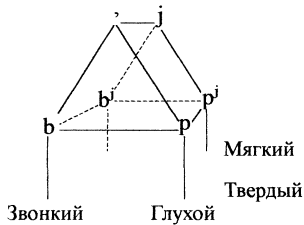
Таблица 8

<i>это</i>	/éta/	CVCV		<i>ела</i>	/jéla/	CVCV
<i>ад</i>	/át/	CVC		<i>яд</i>	/ját/	CVC
<i>оба</i>	/óba/	CVCV		<i>елка</i>	/jólka/	CVCCV
<i>утро</i>	/útra/	CVCCV		<i>юг</i>	/júk/	CVC
<i>ы</i>	/í/	CV		<i>ил</i>	/jíl/	CVC

Не представляет затруднений определить статус фонемы /ʰ/ в системе русского консонантизма, в котором, как отмечает справедливо Трубецкой (2000 [1960]: 57), все согласные делятся на мягкие и твердые, или — что то же — на палатализованные (или палатальные) и веляризованные (или велярные), поскольку можно тут же заметить, что по прежним трактовкам /j/ не имела соответствующей пары, которая бы противопоставлялась фонеме /j/ лишь по признаку твердости/мягкости.¹³ Если же поместить именно фонему /ʰ/ в качестве твердого коррелята фонемы /j/, классифицируемой как мягкая согласная, получается весьма стройная система согласных, представленная на рисунке 1.

Для фонемы /j/ мягкость не является чем-то сопутствующим, что ей придается дополнительной артикуляцией; в отличие от других палатализованных согласных она

Рис. 1. Система согласных современного русского языка (фрагмент).

обладает в русском консонантизме только палатальностью. То есть она по сути своей представляет собой мягкую фонему, которую можно назвать п а л а т а л ь н о й ф о н е м о й. Если /j/ придает следующей за ней гласной фонеме оттенок переднеязычности на фонетическом уровне, то сама по себе твердая фонема /ʲ/, которая, противопоставляясь как таковая фонеме /j/ своей непалатальностью (твердостью), придает следующему за ней гласному непереднеязычность, может быть названа н е п а л а т а л ь н о й ф о н е м о й. Эти две согласные фонемы, отличающиеся от остальных “обычных” согласных фонем тем, что обеим им присуща только мягкость или твердость, удобно назвать п р и з н а к о в ы м и ф о н е м а м и.

4. Еще раз об [i] и [i̞]

Из всего, изложенного выше, становится ясно, что в русском языке, где и [i] и [i̞] выступают в тех или иных формах обязательно после того или иного согласного фона мягкого или твердого характера, воплощения фонемы /i/ либо в [i], либо в [i̞], всецело обусловлены предшествующим согласным мягким или твердым («в русском языке всякий слог прикрытый»). Теперь, когда можно утверждать, что переднеязычность фона [i], которая приписывается той или иной мягкой фонеме, избыточна для /i/, фонема, передаваемая символом i̞, лишь представляет собой набор общих для фонем [i] и [i̞] фонетических признаков: нелабиализованность, узость и н е з а д н е я з ы ч н о с т ь. Поскольку также нет необходимости использовать символ i̞ для обозначения фонемы /i/, в дальнейшем будет употребляться символ I вместо i̞ во избежание возможного недоразумения, причем следует иметь в виду, что вопрос о том, какой из символов i̞, i̞ или I должен быть употреблен для /i/ теперь уже не фонологический вопрос, а скорее лишь вопрос типографического удобства и/или элегантности знака.¹⁴

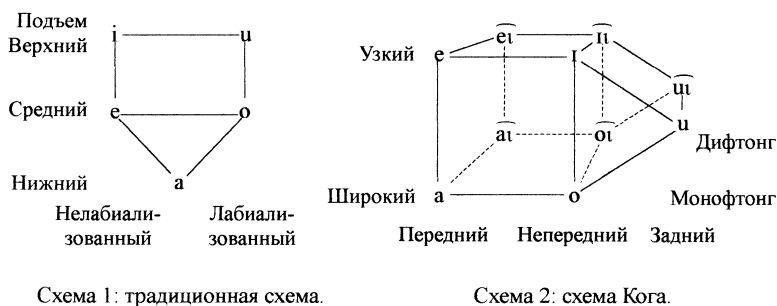
С консервативной точки зрения д е с к р и п т и в н о й ф о н о л о г и и, для которой актуальная задача заключается в выявлении структуры оппозиций в пределах данной фонемной системы, характерной для данного языка, остается только пересмотреть саму систему русского вокализма, чтобы найти подходящее место для фонемы /i/ в этой системе. Следовательно, можно говорить о составе дифференциальных признаков фонемы /i/, которыми /i/ отличается от остальных гласных фонем, само собой разумеющихся в нашем фонологическом разборе.

5. Современный русский вокализм

На основе изложенного выше, мне представляется наиболее целесообразным определить фонему /i/ как набор дифференциальных признаков [узкий] и [непередний] (и [монофтонг]¹⁵), и тем самым предположить такую двухступенчатую трехклассную систему русского вокализма, которая изображена в схеме 2 на рисунке 2, заменив ею общепринятую

трехступенчатую двухклассную схему русского вокализма (т.е. схему 1).¹⁶

Рис.2. Система гласных современного русского языка.

В принципе нет никаких *п о з и т и в н ы х* оснований поддерживать какую-нибудь определенную фонематическую классификацию русских гласных фондов, которые, в отличие от большинства согласных, различаются, в первую очередь *о т н о с и т е л ь н ы м и* различиями в положениях спинки языка в ротовой полости, и поэтому нам приходится сослаться на “косвенные” доводы либо морфологические, либо исторические, либо какие угодно, с тем, чтобы определить дифференциальные признаки, релевантные для каждой постулированной гласной фонемы, что, в свою очередь, на данном этапе анализа оказывается желательным в свете того предположения, которое дано в начале данной статьи. По той же причине никогда не будут обнаружены какие-нибудь позитивные основания, достаточные для того, чтобы отвергать схему 1, хотя следующие негативные доводы по поводу схемы 1 служат такими “косвенными” доводами в пользу схемы 2. Например:

i) Неестественная похожесть схемы 1 на фонетическую диаграмму кардинальных гласных; если даже о фонемной системе можно говорить только на основе фонетических описаний тех или иных звуков или артикуляционных особенностей, встречающихся в данном языке, маловероятно (хотя, возможно, не абсолютно), чтобы чисто фонематическая классификация гласных фондов могла быть столь похожа на фонетический треугольник гласных, поскольку фон, будучи етической (etic) единицей, находится как таковая на ином уровне, чем фонема, представляющая собой фонематическую (emic) единицу.

ii) Согласно Акишиной и Барановской (1990: 91), «Следует обратить внимание на лабиализацию [o] в русском языке. Чрезмерная лабиализация [o] приводит к акустическому эффекту [u]». Сказанное следует понимать в том смысле, что чрезмерная лабиализация русского /o/ приводит к смешиванию /o/ с /u/ или что в русском языке /o/ лабиализуется меньше, чем /u/, ибо в противном случае их оговорка: «[o] в русском языке» оказывалась бы бессмысленной. Если мое понимание не ошибочно, то утверждение Акишиной и Барановской можно считать подтверждением схемы 2, так как если действительно /o/ и /u/ различались бы одной степенью подъема языка, как это подразумевает схема 1, а лабиализованность являлась бы общим для /o/ и /u/ дифференциальным признаком, то чрезмерная лабиализация не сводилась бы к подобному “смешиванию”, поскольку лабиализация и подъем языка в принципе не являются соотносенными параметрами. Очень возможно, что лабиализованность, которую на фонетическом уровне разделяют аллофоны фонем /o/ и /u/, избыточна как для /o/, так и для /u/.

6. Соотношение с морфонемотическим чередованием гласных фонем

В схеме 1 ясно выражена структурная оппозиция лабиализованности vs. нелабиализованности, в то время как в русском языке не встречаются фонемы, которые бы противопоставлялись друг другу по наличию vs. отсутствию лабиализации, такие, как [y] vs. [i], [ø] vs. [e], [œ] vs. [ɛ] и т.п. Далее, в стандартном русском языке /o/ и /u/ ни при каком условии не проявляют общего структурного поведения, что также указывает на избыточность признака лабиализованности, разделяемого на фонетическом уровне аллофонами фонем /o/ и /u/.

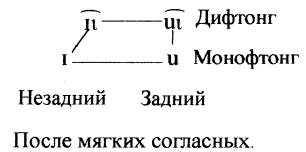
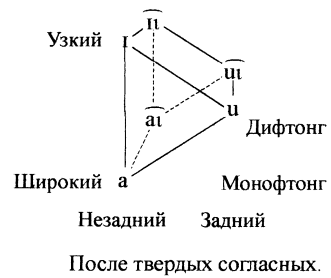
Несколько упрощая, можно сказать, что сдвиг ударения вызывает следующие чередования (нв. чередования, а не редукции) гласных фонем внутри той или иной основы: после твердых согласных (кроме /f/, /z/ и /c/) ударные /á/ и /ó/ чередуются с безударной /a/ (напр., *стол* /stól/ ~ *стола* /stalá/, *дом* /dóm/ ~ *дома* /damá/, *кот* /kót/ ~ *кота* /katá/), а после мягких согласных фонем и после твердых /f/, /z/ и /c/, ударные /í/ и /é/ чередуются с безударной /i/ (напр., *лица* /lʲɪca/ ~ *лицо* /lʲɪsó/, *землю* /zʲémʲlʲu/ ~ *земля* /zʲémʲlʲá/, *семь* /sʲémʲ/ ~ *семи* /sʲímʲi/, *меч* /mʲécʲ/ ~ *мечу* /mʲécʲi/, *вез* /vʲós/ ~ *везла* /vʲízlá/, *шесть* /šésʲtʲ/ ~ *шесту* /šísʲtʲi/, *жены* /zʲónʲi/ ~ *жена* /zʲíná/, *цепь* /cʲépʲ/ ~ *цепи* /cʲípʲi/). Подобные морфонемотические чередования, обусловленные сдвигом ударения (вернее, чередованием п р о с о д е м), касаются всех гласных кроме /u/, которая не знает подобного чередования (напр., *зуб* /zúp/ ~ *зубов* /zubóv/, *люди* /lʲúdʲi/ ~ *людей* /lʲudʲéʲ/); и в этом отношении фонема /u/ резко отличается от всех остальных гласных фонем.

На рисунке 3 схематизированы оппозиции предударного вокализма на основании схемы 2, в которой фонема /u/ обособлена признаком [задний]. Можно предположить, что схемы на рисунке 3, которые, естественно, точно соответствуют распределениям гласных в предударном слоге у тех или иных флектирующих слов, приведенных выше, облегчат описание морфонемотических чередований гласных фонем.

7. Взаимоотношение с диалектной характеристикой

Далее, схема 2 может послужить сравнению русских диалектов в отношении свойств, присущих тому или иному вокализму, с которыми теснейшим образом связаны и только что упомянутые морфонемотические чередования гласных фонем. Здесь опять речь идет о фонеме /u/. Если фонема /u/, как отмечает Пожарицкая (1997: 37) при общей характеристике русских говоров, «как правило, сохраняет свою противопоставленность другим фонемам, находясь с ними в отношении постоянной ненейтрализованной оппозиции», то, оказывается, что схема 1 не может отобразить эту характерную особенность фонемы /u/ в различных (как кажется, почти всех с о в р е м е н н ы х) русских говорах,

Рис. 3. Схемы оппозиции гласных фонем в предударном слоге.

тогда как схема 2 свободна от подобного недостатка.

Известна совместимость аканья с иканьем с одной стороны, и оканья с еканьем¹⁷ (NB. речь не о “ёканье”) — с другой. Если принять схему 2, то в качестве одной из возможных рабочих гипотез можно это представить так: в акающих говорах в предударном слоге оппозиция [передний] vs. [непередний] нейтрализуется, а в окающих — не нейтрализуется. Совмещения аканья с иканьем и оканья с еканьем, таким образом, могут быть, и, вероятно, должны быть, охвачены не раздельно друг от друга, а единой формулой посредством схемы 2, в терминах структурной оппозиции дифференциальных признаков. В настоящее время я не могу дать более или менее последовательный ответ на вопрос, почему при нейтрализации оппозиции [передний] vs. [непередний] в предударном слоге после твердых согласных, немаркированными оказываются /i/ и /a/, которые в ударном вокализме среди монофтонгов не разделяют ни одного общего признака. Этот вопрос об асимметрических соотношениях между признаками в предударном вокализме требует досконального диахронического рассмотрения, для которого схема 2 наряду со схемой 1 могут служить одной из возможных исходных моделей.

8. Итоги

В связи с выше изложенной характеристикой русского вокализма, мне представляется небезынтересным тот факт, что старославянская “графема” <ѣ> (если только можно говорить о нем как о графеме), которая иногда писалась как ѣи в кириллической письменности, является лигатурой, соединявшей <ѣ> и <и> или <н>. Если, например, Хабургаев (1974: 55, 88) предполагает в <ѣ> нелабиализованную «редуцированную (сверхкраткую) гласную фонему» заднего ряда среднего подъема, то по моей трактовке применительно к современному русскому языку отступ велярного (т.е. заднеязычного) полугласного [ʉ] приписывается к непалатальной фонеме /ʲ/, причем название буквы *ы* фонематически обозначено как /ʲi/. Хотя, разумеется, нельзя делать какой бы то ни было прямой вывод из подобной поверхностной параллели, но если моя интерпретация окажется не только предпочтительной, но даже адекватной в целом, то некоторые детали в прежних описаниях исторической фонологии русского языка подлежат последовательному пересмотру с точки зрения исторических судеб непалатальной фонемы /ʲ/ и системы вокализма, представленной в схеме 2.

Дополнение. Дифтонг как единая фонема

Доводы в пользу того, чтобы не устанавливать дифтонги как самостоятельные единые фонемы, наиболее отчетливо сформулированы в свете ряда методологических принципов фонематической интерпретации Трубецким (2000 [1960]: 61), рассуждения которого, впрочем, нельзя считать вполне аргументированными. Исходя из “правила первого”, что «Реализацией одной фонемы можно считать только сочетание звуков, составные части которого в данном языке не распределяются по двум слогам», он пишет:

Когда в русском, польском и чешском группа «гласный + неслоговое $\dot{\jmath}$ » предшествует гласному, неслоговое $\dot{\jmath}$ присоединяется к этому гласному, образуя начало слога (русс. *zbru- $\dot{\jmath}$* «сбруя», чешск. *ku- $\dot{\jmath}$ ri- $\dot{\jmath}$ e* «покупает» и т.д.). Следовательно, в таких языках эта группа является реализацией фонемного ряда «гласный + $\dot{\jmath}$ », притом даже тогда, когда все слово оказывается односложным (русс. *da $\dot{\jmath}$* «дай» = фонологически *daj*).

Хотя это звучит вполне правдоподобно, однако последняя трактовка заставляет насторожиться, ибо если реализацией одной фонемы можно интерпретировать только «сочетание звуков, составные части которого в данном языке не распределяются по двум слогам», то следовало бы считать звук [*a $\dot{\jmath}$*] в слове *дай* реализацией единой фонемы /*a $\dot{\jmath}$* / (*da $\dot{\jmath}$* /*da $\dot{\jmath}$* /), а не реализацией последовательности двух фонем /*a*/ + /*j*/, поскольку *дай* «оказывается односложным» и «не распределяется по двум слогам». По крайней мере, «правило первое» Трубецкого не препятствует интерпретировать [*a $\dot{\jmath}$*] в *дай* как воплощение единой дифтонгической фонемы /*a $\dot{\jmath}$* /.

Если считать, что такие слова, как *тайна* [*ta $\dot{\jmath}$ ina*], *тайга* [*ta $\dot{\jmath}$ ga*] и т.п., имеют слоговую структуру типа CVCCV, то описание языка на уровне фонотактики неоправданно усложнится (итак, *тайна* /*ta $\dot{\jmath}$ ina*/ CVCV, *тайга* /*ta $\dot{\jmath}$ ga*/ CVCV и т.п.).¹⁸ Что же касается современного стандартного русского языка, то гласных фонем в прежних описаниях числилось всего лишь пять (или шесть, включая и /*i*/) и если даже установить для этих гласных фонем парные дифтонги, общее число гласных фонем не превысит 10 (или 12); число это, вполне мыслимое для инвентаря гласных фонем того или иного языка, не грешит против «здравого смысла».

Примечания

- 1 Мой фонематический анализ основывается на наблюдениях над произношением Н. С. Ш. (преподаватель российского вуза), которой я приношу самую искреннюю благодарность за большую помощь. Она родилась в Москве в 1941 году и 15 лет жила в Иркутске, Благовещенске Амурской области, в Ессентуках Ставропольского края, получила высшее образование в Москве. Ни я, ни она сама не претендуем на «литературность» ее произношения, но это, по-моему, не влияет на выводы данного исследования. Разумеется, только я несу все ответственности за погрешности в этой статье.
- 2 Здесь и далее в квадратных скобках даны фонетические записи тех или иных словоформ в широкой транскрипции, а в косых скобках — фонематические. Кстати оговорюсь, что в данной работе я не буду вникать в трактовку супрасегментных явлений, хотя фонематическая интерпретация на самом деле должна касаться о д н о в р е м е н н о сегментальных и супрасегментальных явлений вообще.
- 3 Здесь под вариантом (а) имеются в виду Щерба ([1912] 1983: 50; 1957: 178), Гвоздев ([1945] 1963; [1955] 1967: 12-13), Зиндер (1960: 65; 1969) и Маслов ([1975] 1998: 53), а под вариантом (б) — Аванесов и Сидоров ([1945] 1970), Аванесов ([1947] 1970; 1956: 88; 1985: 53), Трубецкой ([1960] 2000: 108), Реформатский ([1967] 1997: 217), Панов (1967: 58-60, 210-213; 1979: 150-153; 1999: 127-130), *Русская грамматика* 1979 (С. 5 и сл.), Дмитренко (1985: 24-28) и Кодзасов и Кривнова (2001: 363-364). Я не утверждаю, что в работах перечисленных выше авторов присутствуют фонематические транскрипции всех рассматриваемых здесь слов. Данные транскрипции являются всего лишь условными на основе допущения, что названным авторам,

вероятно, следовало бы транскрибировать каждые словоформы в представленном здесь виде без существенных изменений.

4 Хотя в “исконно” русской лексике нет слова, начинающегося с буквы *ы* (или с фона [i]) кроме названия буквы *ы*, которая не является “словом” в обычном смысле слова, я не считаю необходимым исключать подобный пример из фонематического анализа.

5 Следующие фонетические записи примеров *в икрах, с Иваном*, на которые Щерба (1983 [1912]: 50) ссылается, чтобы признать /i/ самостоятельной фонемой, вряд ли соответствуют действительности (по крайней мере, современного) произношения: [vɨkrax], [sɨvʌnɔm]; ср. мои фонематические транскрипции: /vʲɨkrax/, /sʲɨvʌnɔm/ соответственно.

6 Примеры *Кире* : *к Ире* и *Виталию* : *в Италию* взяты Реформатским (1970 [1957]) из статьи Р. И. Аванесова «Вопросы русского литературного произношения» (*Русский Язык в школе*. 1937, 3: 91-92), которую мне не удалось достать.

7 «Rule P12» (‘Фонологическое правило 12’), которое устанавливает Halle (1959: 72; см. в частности сноски 37, 38), чтобы “справиться” ad hoc именно с этим противоречием Реформатского, нельзя не считать паллиативным. Другое разрешение предложено М. В. Пановым. Если для Панова (1975) «фонемный ряд [у *Кире* и *к Ире* — К.Й.] один и тот же <кир’и> (sic)», то Панов (1979), который уже интерпретирует *Кире* и *к Ире* как <кír’э> и <к#ír’э> соответственно, утверждает: «Нет фонематического тождества!» (С. 176), противореча, в свою очередь, своему собственному предположению, что “диэрема” <#> есть “суперсегментальная единица” (С. 168).

8 Ср. «Именные основы на <j=> могут сохранять на фонематическом уровне /j/ и перед /i/, ср. Npl /baʲi/ || /baʲji/, Dpl /maʲim/ || /maʲjim/ [орфографически *бои* и *моим* соответственно — К.Й.]; в отличие от них глагольные основы следуют основным правилам о сочетаемости /j/, ср. /staʲiš/, /n,i taʲi/...» (С. 125). Кстати сказать, я вполне согласен с *Русской грамматикой* 1979, когда она, транскрибируя начальный слог таких слов, как *еда, ядовитый* и т.п. как /je/ (С. 23), отличает его от звука, наблюдаемого в начале таких слов как *иметь, иной* и т.п. (Я здесь имею дело с *Русской грамматикой* 1979 как с предметом критического рассмотрения только потому, что я считаю ее фонематические и морфонематические описания наиболее последовательными и эксплицитными и поныне.)

9 Гортанная смычка [ʔ] в абсолютном начале слова на самом деле не обязательна, а варьируется с [ʔ], по-видимому, в зависимости от стиля и ситуации, в которых произносятся данные слова.

10 При произнесении таких (преимущественно заимствованных) слов, как *кляуза, биология, пионер* и т.п., выдыхание усилено меньше, чем в перечисленных здесь словах, что объясняется местом ударения.

11 Здесь имеются в виду фонематические слова, выделяемые присутствием единственного ядра ударения. При этом мое рассуждение основывается на том, что *в Але* [vɨ aʲle], который последовательно различают от *Вале* [vaʲle], составляет минимальную пару с *в зале* [vzaʲle], а *с адом* [sɨ aʲdɔm], который последовательно различают от *садом* [saʲdɔm], составляет минимальную пару со *спадом* [spaʲdɔm] и т.п. Надо подчеркнуть, что появление [ɨ] в послепредложной позиции крайне нерегулярно. Так, по моим наблюдениям, в плотно сращенных предложных фразах, подобных *в основном, с ума, с утра* и т.п., [ɨ] появляется крайне редко, поэтому фонематически /vasnavnóm/, /sumá/, /sutrá/ и т.п.

12 Отождествлять нашу /ʲ/ с «фонемой /#/», установленной в *Русской грамматике* 1979, нельзя. Фонема /#/ , ничем не связанная с действительной звуковой реальностью, фактически является всего лишь условным знаком, о б о з н а ч а ю щ и м к о н т е к с т ы н а ч а л а и к о н ц а с л о в а ; ср.: «К числу фонем причисляется фонема /#/ — н а ч а л о и к о н е ц ф о н е м н о й ц е п о ч к и ; введение ее значительно облегчает форму описания [разрядка моя. — К.Й.]» (С. 4); принять подход *Русской грамматики* 1979, допускающий фонему /#/ , может вести к псевдотипологическому “открытию” одной из языковых универсалий вроде как: «во

всвозможных языках в мире, где только существует “слово” как какая бы то ни было языковая единица, существует одна и та же фонема /#/».

13 Отсюда Аванесов (1956: 192) говорит о /j/ как о «фонеме-,одиночке».

14 Если отказаться от допущения, что «всякий слог начинается с согласной фонемы», то лучше всего употреблять символ, обозначающий нелабиализованный гласный фон с р е д н е г о р я д а высокого подъема, напр. *i* (или *y*) и т.п.

15 По поводу оснований установить дифтонги как единые фонемы, см. «Дополнение». Между прочим, поскольку то, что в русском языке слогоносителями выступают только гласные фонемы (точнее, то, что можно считать русский язык именно таковым), является не более чем случайностью, предпочтительнее заменять термин “гласная фонема” термином с л о г о в а я (или я д е р н а я) ф о н е м а при типологическом сопоставлении с теми языками, где в качестве слогоносителей наряду с гласными встречаются такие сонорные фонемы, как /m/ /n/ /r/ /l/ и т.п.

16 См. например, Аванесов (1956: 88; 1984: 53), Трубецкой ([1960] 2000: 108, 118), *Русская Грамматика* 1979 (С. 5-6), Кодзасов и Кривнова (2001: 363-364) и т.п.

17 См. *Русский Язык. Энциклопедия* 1979; 1997 (qq.v., в частности статьи «Иканье» и «Еканье», написанные Л. Л. Касаткиным).

18 Одна из причин того, что «указатель фонемных сочетаний, представленных в словоформах русского языка» в работе Дмитренко (1985: 202-216) менее эксплицитен и более сложен, чем хотелось бы, заключается в том, что Дмитренко, стремясь исчерпывающе описать сочетания согласных фонем, не устанавливает дифтонг как единую фонему.

* Эта статья является переработанным вариантом моей статьи ‘Gendairosiago no bointaikê: Tanon [i] to [i] no kôzôteki kaisjaku’, помещенной в *Бюллетене японской ассоциации русистов*. (2000) 32: 1-16.

Литература

- Аванесов, Р. И. (1956), *Фонетика современного русского литературного языка*. Москва: Изд-во МГУ.
 — (1970 [1947]), ‘Из истории русского вокализма. Звуки *I* и *Y*’. Реформатский, ред., 1970, 278-299.
 — (1984), *Русское литературное произношение*. 6-е изд. Москва: Просвещение.
 Аванесов, Р. И., Сидоров, В. Н. (1970 [1945]), ‘Система фонем русского языка’. Реформатский, ред., 1970, 249-277.
 Акишина, А. А., Барановская, С. А. (1990), *Русская фонетика*. 2-е изд. Москва: Русский язык.
 Гвоздев, А. Н. (1963 [1945]), ‘К вопросу о системе фонем современного русского литературного языка’. *Избранные работы по орфографии и фонетике*. Москва: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 90-114.
 — (1967 [1955]), *Современный русский литературный язык: Часть I. Фонетика и морфология*. 3-е изд. Москва: Просвещение.
 Дмитренко, С. М. (1985), *Фонемы русского языка: Их сочетаемость и функциональная нагрузка*. Москва: Наука.
 Зиндер, Л. Р. (1960), *Общая фонетика*. Ленинград: Изд-во ЛГУ.
 — (1969), ‘Еще об «ы» и «и»’, *Славянская филология*. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 34-38.
 Кодзасов, С. В., Кривнова О. Ф. (2001), *Общая фонетика*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет.
 Маслов, Ю. С. (1998 [1975]), *Введение в языкознание*. 3-е изд. Москва: Высшая школа.
 Панов, М. В. (1967), *Русская фонетика*. Москва: Просвещение.
 — (1975), ‘Об одном из возможных описаний фонематической системы русского языка’. С. А. Барановская *et al.*, ред. *Теоретическая фонетика и обучение произношению: Сборник статей*. Москва: Ордена дружбы народов; Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 11-20.

- (1979), *Современный русский язык: Фонетика*. Москва: Высшая школа.
- (1999), 'Фонетика', В. А. Белошапкова, ред. *Современный русский язык*. 3-е изд. Москва: Азбуковник, 54-189.
- Пожарицкая, С. К. (1997), *Русская диалектология: Учебник*. Москва: Изд-во МГУ.
- Реформатский, А. А. (1970 [1957]), 'Фонологические заметки', Реформатский, ред. 1970, 481-484.
- (1997 [1967]), *Введение в языковедение*. 5-е изд. Москва: Аспект пресс.
- Реформатский, А. А., ред. (1970), *Из истории отечественной фонологии: Очерк. Хрестоматия*. Москва: Наука.
- Русская грамматика* 1979, vol.1, K. Horálek, et al., eds. 1979, Praha: Akademia Praha.
- Русский язык. Энциклопедия*. Ф. П. Филин, et al., ред. 1979, Москва: Советская энциклопедия; 2-е изд., Ю. Н. Караулов, et al., ред. 1997, Москва: Большая российская энциклопедия; Дрофа.
- Трубецкой, Н. С. (2000 [1960]), *Основы фонологии*. Москва: Аспект пресс.
- Хабургаев, Г. А. (1974), *Старославянский язык*. Москва: Просвещение.
- Щерба, Л. В. (1957), 'Теория русского письма'. *Избранные работы по русскому языку*. Москва: Учпедгиз, 144-179.
- (1983 [1912]), *Русские гласные в качественном и количественном отношении*. Ленинград: Наука.
- Halle, M. (1959), *The Sound Pattern of Russian*. The Hague: Mouton.